

ЭПИФАНИЧЕСКОЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ: ЛИНГВОТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье исследуются лингвотипологические составляющие эпифанической модели в англоязычном художественном дискурсе XX века через призму эпифанического искусства. Рассматриваются свернутые повествовательные категории в надстройках смысла, выстроенных в ассоциациях, сквозных для индивидуально-авторской концепции.

Ключевые слова: лингвотипология художественного текста, эпифаническая модель, художественный дискурс, индивидуально-авторская концепция

Фоменко О.Г. Епіфанічне у художньому дискурсі: лінгвотипологічний аспект. У статті розглядається лінгвотипологічна складова епіфанічної моделі в англomовному художньому дискурсі XX століття крізь призму епіфанічного мистецтва. Розглядаються згорнуті наративні категорії в надбудовах змісту, що вибудовані асоціаціями, які є наскрізними для індивідуально-авторської концепції.

Ключові слова: лінгвотипологія художнього тексту, епіфанічна модель, художній дискурс, індивідуально-авторська концепція

Fomenko E.G. Epiphanic in Literary Discourse: A linguistic-typological Aspect. This article explores linguistic-typological constituents of the epiphanic model in an English-language literary discourse of the 20th century as integrated into epiphanic art. Special reference is given to disconnected narrative categories on which meaning is built in associative networks that are features traced throughout a given individual-authorial conception.

Key words: linguistic typology of fictional text, epiphanic model, literary discourse, individual-authorial conception

1. Лингвотипология художественного текста: постановка проблемы

Современное состояние лингвистической теории художественного текста и проблемы ее развития неразрывно связаны с лингвотипологическими обобщениями. Теоретические истоки лингвотипологии художественного текста восходят к повествовательной типологии О. Людвига и сюжетной грамматике В.Я. Проппа. Свое логическое завершение они находят в теории макроструктур Т.А. ван Дейка и В. Кинча [2]. Признание макроструктур ключевой когнитивной структурой текста [9, 37], обладающей типологическими свойствами [7, 264], делает актуальным лингвотипологическое моделирование художественного текста, интегрирующее макроструктуры, индивидуально-авторские концепции, антропоцентры персонажей, светоцветовые пространства и хронотопы. Лингвотипология художественного текста исследует, как идиостили писателей осваивают языковой и концептуальный потенциал своего времени. Она отказывается от статичного изучения категорий текста, более чем за полувековую историю мало продвинувших лингвистов текста в понимании эволюции художественных смыслов. Столкнувшись с современными текстами «не совсем классического типа» [3, 259], универсализация категорий текста зашла в тупик, поскольку не дала ответа на вопрос, как индивидуально-авторская концепция сопричастна

коллективному сознанию и чем обусловлена динамика взаимодействия языковой и концептуальной реальности в художественном тексте. Ключевым для лингвотипологических исследований является положение о том, что каждый этап в развитии языка художественной литературы имеет свои лингвотипологические основания, обеспечивающие преемственность эпох. Нет отдельно взятого идиостиля писателя, изолированного от других идиостилей писателей [1, 154], причем сближение происходит не только в одном языке и культуре, но и в разных.

Размышления о лингвотипологической природе идиостиля писателя наталкивают на мысль о коллективном идиостиле эпохи – исторически сложившейся лингвотипологической модели художественного текста, извлеченной из современных друг другу идиостилей писателей, философии художественной дискурсивной деятельности, историческом звене в эволюции литературного языка, концептосфере языка художественной литературы, семиосфере художественного дискурса своего времени.

Коллективный идиостиль эпохи включает в себя ядерный идиостиль писателя и современные ему идиостили писателей, более или менее приближенные к нему. Ядерным идиостилем писателя создаются прецедентные тексты, которые вписаны в идеологический контекст эпохи [6, 30]. Ядерный идиостиль регулярно обнаруживает отклонения от языковых, речевых, текстовых и литературно-художественных норм своего времени, которые осваиваются его индивидуально-авторской концепцией. Такой трансформационный радикализм носит системный характер. Вовлекая в сферу своего действия другие идиостили писателей, ядерный идиостиль организует вокруг себя коллективное когнитивное пространство, которое стремится к лингвотипологической цельности и исчерпанности.

2. Эпифаническое в художественном дискурсе

Теоретик эпифанического искусства С. Тейлор высказывает мысль, что на рубеже XIX-XX веков эпифания бытия романтиков перерастает в эпифанию субъективного, фрагментарного опыта [11, 465-466]. В коллективном идиостиле эпохи традиционная повествовательная модель художественного текста сменяется эпифанической. В языковом, концептуальном, ментальном, психическом пространстве внутреннего человека, актуализующих «нечто подобное», накапливается переживаемая ИСТИНА эпифанического откровения.

В конце XIX – начале XX века, во время ломки естественнонаучных представлений и наступления новой эпохи в истории мысли, происходит общеметодологический сдвиг под влиянием философии бытия Ницше, философии жизни Бергсона, концепции свободной творческой личности Джеймса, теории психосексуального развития Фрейда, теории коллективного бессознательного Юнга. Художественный дискурс наполняется «пробуждающимся» человеком, подвергающимся, наедине с миром, испытаниям уникальной ценности» [4, 148].

Новое содержание меняет отношение к языку художественной литературы, устоявшимся литературно-художественным нормам. Мощная интеллектуальная волна подталкивает к переживаниям в языке, приводит к коренному обновлению модели художественного текста. М. Фуко задается

вопросом: «Является ли само это стремление восстановить потерянную целостность языка завершением мысли XIX века, или же оно предполагает формы, с нею уже несовместимые?» [8, 396]

В первой трети XX века прослеживаются две тенденции: одни писатели придерживаются традиционной повествовательной модели, а другие трансформируют ее. Первые, среди них Г. Уэллс, Б. Шоу, Г. Джеймс, А. Беннет, Д. Голсуорси, Э.М. Форстер, не говоря о массовой беллетристике, приспособляют унаследованную повествовательную модель к новому содержанию. Вторые, к ним относятся Дж. Джойс, Т.С. Элиот, Э. Паунд, У. Фолкнер, Т. Вульф, Х. Дулиттл, Э. Лоуэлл, Д. Ричардсон, Р. Фрост, В. Вулф, Д.-Г. Лоуренс, Г. Стайн, Ш. Андерсон, отказываются от иерархии повествовательных категорий в пользу надстроек художественных смыслов.

По мнению В. Тиггса, теологический термин «эпифания» был впервые использован для психологизации впечатления Эмерсоном в 1838 году. В. Тиггс убеждает, что эпифания бытия романтиков нашла продолжение в эпифанности короткого рассказа у Дж. Джойса, А.П. Чехова и Д.-Г. Лоуренса. В частности, Джойс находит эпифаническое там, где ожидаемое событие отсутствует [12, 41-42, 61].

Общехристианскую модель обращения к богу применительно к художественному дискурсу Р. Жирар называет «обращающим письмом». По его мнению, у М. Пруста индивидуальная трансформация структурирована аналогично тому, как обращают в христианство, т.е. прустовский персонаж Марсель становится писателем в результате трансформирующего духовного озарения. По мысли Р. Жирара, подобные книги, как и Евангелие, несут в себе двойственную перспективу. В определенный момент Марселю кажется, что исчерпаны все возможности стать великим писателем; ему вспоминается подобный опыт в прошлом, который, наслаиваясь на настоящее, духовно озаряет и трансформирует его письмо, проводя границу между письмом до обращения и после обращения. В момент озарения Марсель схватывает в целостном виде то, что ему предстоит написать. Р. Жирар полагает, что «В поисках утраченного времени» повествование о духовной смерти сменяется возрождением. Р. Жирар делает вывод, что знаменитый роман написан рукой писателя, испытавшего озарение [10, 39-41].

Эпифаническая модель раскрывает философию познания мира в «не-что, что само в себе о себе говорит», или «само себя в себе показывает» [4, 178]. М. Мамардашвили подчеркивает, что у Джойса, Паунда, Элиота, Пруста, А. Арно обнаруживается одна и та же особая организация сознания – воспроизведение мира в точке собственного личного действия; производящая форма [4, 187, 201].

3. Составляющие эпифанической модели художественного текста

К составляющим эпифанической модели художественного текста относятся: (1) кольцеобразная макроструктура, (2) тексто-стилевой концепт СОПРИКОСНОВЕНИЕ; (3) персонализация действующего сознания внутреннего человека, (4) фокусирование светоцветовой среды, (5) топос пространственной одновременности. Ниже остановимся подробнее на каждой из них.

(1) Эпифаническая макроструктура составляется тремя взаимосвязанными кольцами, разрушающими иерархию повествовательных категорий в надстройках смысла. Традиционная повествовательная модель свертывается уже в первом кольце макроструктуры. Во втором кольце эпифанизации надстройки смысла базовых категорий выводят на новую категорию «нежданная встреча», которая подталкивает к третьему кольцу – «фокус-эпифании». Кольцеобразность макроструктуры позволяет возобновлять опыт в надстройках смысла базовых категорий «подготовка», «сцена» и «событие», накапливая его для вхождения в «фокус-эпифанию». Иначе говоря, когнитивная целостность макроструктуры обеспечивается смещением ожидаемой, пирамидной иерархии повествовательных категорий к кольцеобразной надстройке смысла в самих категориях.

(2) Синтез текстового и индивидуально-авторского концептов порождает тексто-стилевой концепт – стержень индивидуально-авторской концепции. Поскольку «концепты как интерпретаторы смыслов все время поддаются дальнейшему уточнению и модификациям» [5, 39], в первом макроструктурном кольце происходит отбор готовых констант культуры, которые организуют когнитивную базу для индивидуально-авторских ассоциативных пространств, развертывающих индивидуально-авторское сознание во втором макроструктурном кольце. Эпифаническая модель осваивает концептуальное пространство мировоззренческого концепта ИСТИНА, который является целью искусства вообще, принадлежит строю дискурса [8, 411] и имеет мощный текстообразующий потенциал.

Освоение тексто-стилевого концепта требует специальной исследовательской процедуры, предполагающей наложение на матрицу противоборствующих смыслов, требующих снятия своей антиномии. Освоение сторон начинается с поиска вербализаций, семантические смыслы которых подводятся под матрицу. В процесс построения концептуальной сетки включаются тезаурусные связи лексических единиц. Можно говорить об относительной закреплённости значения языковой единицы за стороной концепта. Более того, одна и та же лексическая единица способна осваивать его разные стороны. Противоборствующие стороны стремятся к сближению, выделению одной стороны для достижения гармонии с другой. Хотя матрица остается неизменной, ее наполняемость варьируется; чем, полнее освоение вербализуемых противоборствующих смыслов, тем глубже познание их идеализированной гармонии. Матрица разводит вербализуемые смыслы по доминантным речевым составляющим, объединяемым в текстовые константы. Приведение матрицы к гармонии сторон приводит к их сближению и снятию противоборства.

Наше исследование идиостиля Джеймса Джойса убеждает, что эпифаническая модель осваивает когнитивное пространство ИСТИНЫ СОПРИКОСНОВЕНИЯ (TOGETHERNESS). Матрица составляется квадратом, образованным бинарными оппозициями ДЕЙСТВИЯ и НЕ-ДЕЙСТВИЯ, ЕДИНЕНИЯ и НЕ-ЕДИНЕНИЯ. Освоение отобранных писателем культурных (духовных) концептов идет путем восстановления имплицитной стороны, что создает эффект СОПРИКОСНОВЕНИЯ с тремя эксплицированными

сторонами. Переходы внутри матрицы отличаются подвижностью. Интерпретационная перспектива предполагает свободное переключение с одной стороны на другую, установление всех возможных ассоциаций для выведения идеализированного СОПРИКОСНОВЕНИЯ. Вход в интерпретационную перспективу совпадает со вторым макроструктурным кольцом, где взятые в готовом виде константы культуры, разведенные по матрице СОПРИКОСНОВЕНИЯ, модифицируются индивидуально-авторским сознанием. Они, уточняются, обогащаются, изменяются и входят в интерпретационный канал в третьем макроструктурном кольце – фокусе-эпифании.

(3) Персонализация выстраивается антропоцепочками, которыми обобщаются персонажные антропоцентры. Исходная антропоцепочка «некто/ такой/ существует/ в заданном «пространстве» и времени» (первое макроструктурное кольцо) в процессе эпифанизации «некто/ «изменяемый такой/ действует/ здесь и сейчас» (второе макроструктурное кольцо) в фокусе-эпифании обобщается как «некто/ измененный такой/ здесь и сейчас. Антропоцентры персонажей подчиняются динамике макроструктуры.

(4) Светоцветовая среда опирается на цветоцентризм человеческого восприятия в концептуализациях СВЕТА и ЦВЕТА, СВЕТА и ТЬМЫ. Она составляется шестью фокусами, светоцветовыми пучками, по которым распознаются макроструктурные кольца: 1) фокус видения цвета; 2) фокус хроматического видения (первичный спектр); 3) фокус хроматического видения (вторичный спектр), 4) фокус подобия (цвет металла); 5) фокус ахроматического видения; 6) фокус фон, окружение. Светоцветовая среда, как и другие составляющие эпифанической модели, определяется динамикой смены макроструктурных колец.

(5) Топос пространственной одновременности синхронизует пространство и время, описывает внешнее пространство внутреннего человека в трех видах опыта: 1) предшествование пространственной одновременности (создание условий для вхождения в эпифанический опыт); 2) собственно пространственная одновременность (эпифанический опыт); 3) симульный вневременной опыт общечеловеческого содержания.

Таким образом, эпифаническая модель коренным образом изменяет коллективный идиостиль XX века благодаря возрастанию ассоциативности художественного текста, интерпретируемого в постоянно возобновляемых напластованиях. Первичность языка раздвигает границы отдельного художественного текста для вхождения в лингвистический универсум, концептосферу, семиосферу художественного дискурса эпохи. Эпифаническая модель, обновившая содержательность форм, провозгласившая приоритет языка в художественном тексте, осталась бы в рамках эксперимента, если бы в ее продвижении не участвовали, хотя и с разной степенью полноты, современные друг другу идиостили писателей.

4. Ядерный идиостиль Джеймса Джойса

В англоязычном художественном дискурсе наиболее последовательно и полно эпифаническая модель воплощена ядерным идиостилем Дж. Джойса. Прежде всего, новаторство Джойса подхватывается современными ему идиостилами писателей, проникая даже в те из них, которые остаются

верными повествовательной модели. Например, Э.М. Форстер вплотную подошел к эпифанической модели художественного текста. Далее, выведению новых лингвотипологических норм художественного текста способствуют идиостили писателей, варианты которых приближены к идиостиллю Джойса, среди них идиостили В. Вулф и У. Фолкнера. В них джойсовская эпифаническая модель творчески преломляется, а ее отдельные составляющие получают логическое завершение (богатство и выразительность цветоцветовой среды в идиостиле В. Вулф, тонкие переходы в топосе пространственной одновременности или размытые антропоцентры в идиостиле У. Фолкнера). Наконец, эпифаническая модель Джойса возобновляется изнутри, что проявляется в ее множасьих саморефлексиях и открытости интерпретационных перспектив.

Идиостиль Джойса подводит итог функциональной традиционности языковых и текстовых систем, сложившихся к рубежу XIX-XX столетий. Эпифаническая модель возводит в лингвотипологический статус тенденции, характерные для английского литературного языка первой трети XX века, такие как эллипсис, паратаксис, отклонение от норм словопорядка, номинативность, ассоциативность на всех языковых уровнях, разностильность. Джойс приводит в движение весь накопленный потенциал современного ему языка художественной литературы, постоянно экспериментируя с комбинаторикой, варьированием, ассоциативностью, серийностью языковых и текстовых структур – всего того, что необходимо для возобновления эпифанической модели художественного текста. Лингвотипологические принципы этой модели влияют на дальнейшее развитие английского литературного языка и языка художественной литературы.

5. Выводы и перспективы

Коллективный идиостиль эпохи Джойса образует целостное языковое и концептуальное пространство, обогатившее историю английского литературного языка структурированием художественного текста либо на повествовательных, либо на эпифанических лингвотипологических основаниях. Лингвотипологическая концепция идиостиля писателя является перспективной для дальнейших лингвотипологических обобщений, отправной точкой которых в наших исследованиях является эпифаническая модель Джойса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Григорьев В.П. Грамматика идиостиля: Хлебников / Виктор Петрович Григорьев. – М.: Наука, 1983. – 224с.
2. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Тойн А. ван Дейк. – М.: Прогресс, 1989. – 353 с.
3. Дымарский М.Я. Дейктический модус текста и единицы текстообразования (на материале русского языка) / Михаил Яковлевич Дымарский //Проблемы функциональной грамматики: категории морфологии и синтаксиса в высказывании /Отв.ред. А.В.Бондарко. – СПб.: Наука, 2000. – С. 258-280.
4. Мамардашвили М. Психологическая топология пути / Мераб Мамардашвили. – СПб: Русский Христианский гуманитарный институт, 1997. – 570с.
5. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика / В.А. Маслова. – Мн.: Тетра-Системс, 2004. – 256 с.

6. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Геннадий .Геннадьевич Слышкин. – М.: Academia, 2000. – 125 с.
7. Филиппов К.А. Лингвистика текста: курс лекций / Константин Анатольевич Филиппов. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2003. – 36 с.
8. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / Мишель Фуко. – М.: Прогресс, 1977. – 488с
9. Швейцер А.Д. Проблемы контрастивной стилистики (к сопоставительному анализу функциональных стилей) / Александр Давидович Швейцер // Вопросы языкознания. – № 4. – 1991. – С. 31-45.
10. Girard R. Literature and Christianity: A personal view / Rene Girard // Philosophy and Literature. – 1999. – 23 (1). – Pp. 32-43.
11. Taylor C. Sources of the self: The making of the modern identity / Charles Taylor. – Cambridge: Harward University Press, 1989. – 601 p.
12. Tigges W. (Ed.). Moments of moment: Aspects of the literary epiphany / Wim Tigges. – Amsterdam, Atlanta: Gt, 1999. – 496 p.

Стаття надійшла до редакції 12.03.2013 р.